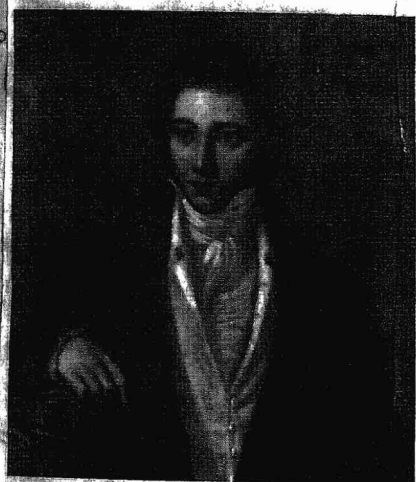

Вовне дашь в день, 3 ноября, отмсчала «Новая опера» 200-летие со дня рождения Винченцо Беллини. Пунктуальность придаст подобным концертам дополнительное измерение, театр Валентия Колобова не в первый раз оказывается точен: если уж «Реквием» Верди, то точно в столетнюю годовщину смерти композитора. Не приблизительный кивок на юбилейную дату, а эмоциональный посыл.

Беллини для руководителя «Новой оперы» — особая привязанность. Московский инф вокруг

ВДАЛИ ОТ «НОРМЫ»

Большой театр — 2001 — дек (№8) — 13

имени Колобова начинаются премьеры «Пирата» в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Вот и теперь наверняка многих привело на концерт ожидания чуда, надежда услышать эхо того давнего спектакля: в программу второго отделения вошли фрагменты из «Пирата».

Первое отделение началось с концерта для гобоя и струнного оркестра Беллини, представившего не так уж часто звучащее инструментальное творчество маэстро. В этом консерваторском опусе уже ясно виден своеобразный мелодический дар композитора. Младший современник Бетховена мало интересуется развитием и конфликтом тем, одна мелодия вольно сменяет другую. Очень легко представить себе на месте гобоя человеческий голос. Кажется, напиши подтекстовку, и у тебя в руках арии из еще одной, неизвестной оперы Беллини. Тем более, что оперное наследие композитора невелико — за неполных тридцать четыре года он написал одиннадцать опер. Из них за последние годы в Москве шла только «Норма», да и то как-то вскользь. Всего четыре спектакля прошли в полуконцертном исполнении в Большом театре и канули в Лету, не вызвав настоящего интереса у широкой публики — несмотря на несомненные достоинства исполнения.

Для Большого «Норма» оказалась чрезмерной дерзостью — для Колобова, способного увлечься немислимыми раритетами, это на-

звание лежит уж слишком на поверхности. Компанию «Пирату» на юбилейном концерте составила еще одна ранняя опера Беллини, «Чужестранка». Плюс канцонетты и романсы, более или менее репертуарные за рубежом и редкие у нас.

Прозвучавшие на концерте миниатюры Беллини заставили обратить внимание на одну свою особенность, часто ускользающую от беглого взгляда. Искусство бельканто порой ассоциируется прежде всего с красотой голоса — на самом же деле это скорее искусство фразировки, нюанса. И тут Ирина Ромушская оказалась интереснее Ильи Кузьмина и Екатерины Кичигиной именно благодаря своему мастерству и опыту.

Но по-настоящему увлекательным вечер стал начиная с «Чужестранки». Оркестр, благостно корректный в самом начале, моментально преобразился так, что даже поверить трудно (ах, зачем маэстро порой изменяет опере и берется за симфонические программы?!). Шорох листьев и легкое дуновение ветра нарастающее до настоящего урагана — почти безграничный динамический и эмоциональный диапазон оказался вписан в небольшую увертюру к опере. Что касается вокальных фрагментов, то они ограничились двумя сценами главной героини, разделенными хором охотников.

Екатерина Сюрица, снимавшая известность после Джильды в «Риголетто», исполнила романс Алаиды спокойно и выверенно —

может быть, даже слишком. Зато Татьяна Печникова, вышедшая петь финальную арию Алаиды, кажется, чуть не зажмурилась от волнения... И ее голос полетел вместе с музыкой ввысь, доставив ту трепетную радость, которую так редко удается найти даже в музыке (она потрясает, но захватывает, не возбуждает, но волнует) — так сказал о Беллини Томмазо Локателли).

Второе отделение, целиком отданное «Пирату», такой радости не доставало. В первую очередь из-за присутствия в числе действующих лиц героя-тенора В «Чужестранке» эту проблему удалось обойти, оставив за сценой всех мужских персонажей. Видимо, всеобщий голод на теноров ощущается в «Новой опере» катастрофически сильно — выступление Александра Скварко в партии Гуальтерро невозможно назвать иначе как привалом, мучительнее его каватина был только его же дуэт с Екатериной Кичигиной (Имоджене). Конечно, был и всякое, вокал в принципе искусство неустойчивое, банальная простуда способна погубить все. Но от этого не легче. Лучше звучали низкие голоса Виталия Ефанова (Идфредо) и Методия Бужора (Эрнесто), весьма скрасила картину Татьяна Смирнова, спевшая финальную арию Имоджене — но давний успех «Пирата» аполору было обвинить нерезальным.

Впрочем, может быть, это и к лучшему. Легенду не нужно подтверждать, на то она и легенда. Нельзя войти в ту же реку по второй раз. Но можно всякий раз входить и в новую.

ДМИТРИЙ АБАУЛИН

Москва
театр
и Новая
опера